

Пролог

Мои глаза. Они циркулярно-круглые, непонимающие. Как у единственной не купленной игрушки в магазине перед Рождеством. Его жестокие фразы пытались пробиться в сознание. А пробившись, осели болотной тиной на губах, спустились по пищеводу и стянули кишки. Подбородок задрожал, и я отрицательно замотала головой.

— Ты врешь!

А внутри невероятной ширины разлом.

Из его пострадавшей брови снова потекла кровь. Она заливала заплывший глаз, сочилась дорожками по щеке и приземлялась пятнами на взмокнувшей груди. Четко на острых клыках оскалившегося зверя. Ее запах отравлял помещение тошнотворным железом. Вкручивался в глотку, забивал желудок и вызывал мучительные спазмы.

— Эм... — Он сделал осторожный шаг вперед, и я шарахнулась от него, как от чумного.

Замер. Поджал губы. В мазутных глазах — никакого сожаления.

«Твоя игра в “тяни-толкай”, больше мне не интересна. В следующий раз я не буду играть. Я сразу толкну».

И толкнул...

Я начала пятиться спиной к выходу.

— Ты врешь, ты врешь, ты врешь, — как заклинание повторяла я, пытаясь сморгнуть мокрые кляксы с накрашенных ресниц. Пальцы до боли впелись в ремешок сумки.

— Я никогда тебе не врал...

— Замолчи! — не своим голосом заорала я и, развернувшись, бросилась вон из комнаты. Дверь с грохотом отлете-

ла в стену, и я выбежала наружу, спотыкаясь о встревоженные взгляды двух тут же переполошившихся копов.

— Мисс, все в порядке?

Но я не стала ничего объяснять. Сорвалась с места и понеслась, не разбирая дороги. Мне нужен был воздух! Мне срочно нужен был свежий воздух!

Пробежав несколько десятков футов по практически пустому коридору, я на ходу достала мобильный и набрала номер человека, который опровергнет каждое слово этого лжеца. Каждую букву.

— Ну же! — отчаянно молила я, утирая слезы и напряженно вслушиваясь в звуки на другом конце линии.

Тишина. Убийственно громкая. Пробирающая до костей.

«Нет! Не может быть!»

— Давай же!

Я снова и снова набирала заученные цифры и в ответ не получала ничего, кроме неизменного «номер отключен».

По памяти свернув налево, я попала в игровой зал. Гости, официанты, сотрудники казино — все они смешались в одну огромную толпу, ставшую препятствием на пути к свободе. Плохо осознавая окружающую действительность, я врзалась в чужие тела, ловила обеспокоенные взгляды и предложения помощи.

Смех, звон монет, шелест карт, колокольная музыка.

Эти звуки. Слишком много звуков. Голову резко сдавило плотным обручем, и я, выронив телефон, обхватила ее руками. Делая глубокие вдохи, я пыталась унять вспышки боли, белыми молниями пронзающие сознание.

— Нет. Не надо... — жалобно просила я. — Не хочу.

Но они не останавливались. Смертельные разряды тока растаскивали по частям... безжалостно мучили.

Рваные дорожки заливали лицо. Топили кожу в горькой соли.

«Это неправда!»

«Это все ложь... Он лжет».

Оттолкнув от себя пытающегося оказать мне помощь охранника, я, преодолевая боль в каждой мышце, дотащила свое непослушное тело до гигантского холла и, заметив долгожданный выход, ускорила шаг. Запинаясь, цепляясь одной рукой за воображаемую стену, я неустанно двигалась вперед, ощущая, что, если не дойду, рассыплюсь пеплом, смажусь по контуру. Внутри тугим жгутом сворачивался страх. Усиленно борясь с сомкнувшимися на шее ледяными пальцами безысходности, я из последних сил преодолела вращающуюся стеклянную конструкцию и, очутившись на улице, воззрилась на толпу журналистов, атакующих вопросами двух знакомых мне мужчин.

Я хотела позвать на помощь хоть кого-то из них, но не смогла выдать ни звука. Удушающий спазм стянул стенки горла запечатал дорогу кислороду. Кислый ком желчи поднялся вверх. И меня вывернуло прямо себе под ноги остатками скудного ужина.

— Не верю, — я мотала головой, как шарнирная игрушка. — Не верю...

Несколько вспышек камер, и внутри что-то переключилось, взорвалось, заполонило сознание. Так много всего. Знакомый изгиб улыбки... родинка... приподнятые брови... мята с цитрусом... испачканные черным пальцы... пляж... вкус соленых губ и обещания... столько обещаний...

Я не могла вынести этого безжалостного натиска. Воспоминания сжирали мозг и сердце. Калечили душу, рвали на части. Как самого главного узника в аду.

Лия Аструм

Полностью иссушенная, я воткнулась коленями в белоснежный мрамор. Эта боль... ее не убавишь... не приложишь компресс. Ее сердцевина где-то внутри. Она пахла гарью, вываливалась наружу разъедающим дымом. Дробила кости, распарывала мышцы.

Я запрокинула голову. Ночное небо Вегаса и миллиарды звезд.

Он потушил каждую... Оставил в темноте.

— Небо сегодня очень красивое.

— А знаешь, почему оно красивое? Потому что мы смотрим на него вдвоем.

Захлебываясь под толщей невыносимой правды, я вонзилась ногтями в лицо и закричала.

Жутко. Громко.

До кровавых полос. До растерзанных связок. До полного отказа легких.

Я не хотела больше смотреть на небо. Я хотела умереть. Уволить сердце. Без отработки. Сразу с корнем.

Закрыть глаза.

Не видеть. Не чувствовать.

Чтобы там, за гранью, с едким вкусом отчаяния осознать...

Лучше бы он солгал.

Глава 1

*Майами. Пригород Аventura.
Семь лет назад*

Эмили

Не решаясь сделать шаг вперед, я нервно переминалась с ноги на ногу перед раздвижными стеклянными дверями, глядя на идеально подстриженный газон, накрытые белыми скатертями столы и развешанные по всему периметру шарик-ки одного цвета. В глаза бросилась ярко-розовая надпись:

С Днем Рождения, Эмили!

Я недовольно сморщила нос. Что за отстой?! Терпеть не могу розовый. Почему, если я девочка, все обязательно должно быть как у куклы Барби? Мне что, пять?!

С превеликим удовольствием оторвав взгляд от рвотного цвета, я принялась выискивать взглядом свою лучшую подру-гу. Я раздраженно шарила глазами по собравшимся гостям, половину из которых знать не знала, и с каждой секундой сердилась все больше. Они на конкурс красоты пришли? Что за наряды принцесс? Пышные цветастые платья, локоны, перевязанные лентами, странные блестящие ободки. И что больше всего бесило — вежливые натянутые улыбки. Никакого веселья. Ожидаемая унылая демонстрация своих лучших нарядов и показная порядочность перед людьми старшего круга. Половина из них блевала после вечеринок, щедро устраиваемых королем нашего класса, а вторая лечилась от

венерических заболеваний после тех же вечеринок, на которые, к сожалению, мне ни разу не удалось попасть. Заболевания меня, конечно, не привлекали, но будь моя воля, я бы лучше ярко отожгла на одной из них со Стеф, чем все вот это вот.

Взгляд невольно замер на выделяющейся из всей этой массы женщине. Оливия Майерс — организатор этого дивного вечера и по совместительству моя мама. Как бы я к ней ни относилась, не могла не признать, что она безумно красива. Высокая, с идеальной фигурой и прической.

Но и в красивом саду водятся змеи.

Сейчас на ней была белая легкая юбка до колен и застегнутая на все пуговицы блузка того же цвета. Она вежливо улыбалась, слушая незнакомую мне полноватую женщину в странном фиолетовом платье, и периодически кивала, выражая свою глубокую заинтересованность в разговоре. Но не успеют гости покинуть дом, как она разнесет внешний вид и манеры каждого из них.

Эта женщина всегда до идеального безобразия элегантна и невозмутима, не считая ее нервно дергающегося века при виде оголенных пупков и слишком коротких платьев. Она до сих пор восхищается внешностью Кейт Мосс, стремится к такой же худобе и в то же время презирует ее стиль в одежде, называя одну из известных супермоделей шляхостой рок-н-рольщицей. Ну да, ей же виднее. На людях она никогда не озвучит подобное, но вот дома эту женщину не остановить. Ее мнение всегда — единственно верное, и оспорить его может лишь мой отец Джон Майерс, пылко излучающий сейчас светскую доброжелательность в кругу тучных мужчин.

Я снова переступила с ноги на ногу. Большие пальцы стали ощутимо ныть из-за до ужаса неудобных туфель. Те были очень узкие, но мама решила, что это не повод пренебрегать мнением известного дизайнера, называющего их

самыми модными в этом сезоне. И она купила, несмотря на мои слабые жалобные протесты.

Теплые ладони неожиданно закрыли мне весь обзор.

— Угадай, кто! — раздался знакомый игривый голос возле самого уха.

— Даже не знаю, — хмыкнув, протянула я. — Кто-то с очень потными и неприятными руками.

— Ах, ты! — чуть не оглушив меня, взвизгнула Стефани и, убрав ладони от моего лица, больно ущипнула меня за щеку. — На улице, кажется, все сорок. Я умираю.

Я повернулась, яростно потирая горящее место.

— Хотела попить газировки, а лучше пива. Но на твоей вечеринке подают только противные кислые морсы и соки. Такой отстой! — продолжала демонстративно вздыхать она, пока я рассматривала ее: легкий белый сарафан, открытые бежевые сандалии, собранные в хвост светлые густые волосы с выгоревшими от солнца прядями, и никакого макияжа, за исключением прозрачного блеска на губах.

Мило. Но непривычно. Лишь шальные, карамельного цвета глаза выдавали, что подруга тоже не прочь выбрать вариант с алкоголем и безумными танцами. Моя бровь заинтересованно дернулась вверх.

— А ты, смотрю, приоделась.

Она фыркнула, словно я сморозила полнейшую глупость.

— Не хотела злить миссис Майерс. Она и так меня недолюбливает.

На это мне нечего было возразить. Чистая правда. По необъяснимым для меня причинам мама вбила себе в голову, что Стефани очень распушенная и дурно на меня влияющая личность. Хотя, почему по необъяснимым? Мать злило, что та — обычный подросток с нормальными родителями, не требующими от нее способностей супергероя. Стефани — моя лучшая и единственная подруга, и да-

же если меня запрут на год дома без возможности видеть белый свет, я ни за что от нее не откажусь.

С такой, как я, дружить тяжело. Так сказала одна из моих бывших подруг. Раньше у нас была небольшая компания девчонок. Точнее, она есть до сих пор. Просто за минусом одной. Меня.

«Время нужно тратить с пользой, Эмили. А в твоих прогулках с людьми непонятного статуса я ее не вижу».

Вероятно, вы уже догадались, чьи это слова. Правда, я никогда не понимала, о каком статусе речь. Да, семья Стефани жила скромнее нашей, но это вовсе не означало, что они хуже. По моим личным наблюдениям, они были в разы лучше, и я, не задумываясь, в любой момент собрала бы свои чемоданы и переехала к ним навсегда.

На телефон, который я держала все это время в руке, пришло уведомление. Быстро пробежавшись глазами по дисплею, я с облегчением убедилась, что это всего лишь обновления в новостной ленте Twitter, а не очередные поздравления вперемешку с извинениями от моего неугомонного поклонника. Я убрала сотовый в маленькую, бежевого цвета сумочку и, не желая таскаться с ней весь день, повесила ее за ремешок на спинку ближайшего стула.

— Эмили Джози Майерс! — торжественно начала подруга, размахивая руками. — Я от всей своей огромной души поздравляю тебя с днем рождения! Безумно горжусь тобой, моя самая красивая, потрясающая, великолепная, крутая, клевая...

— Ой, все, заткнись, — беззлобно прервала я ее, сдывая с лица мешающую прядь волос.

— Согласна. Перебор, — широко улыбнулась она, ничуть не обидевшись. — А если честно, выглядишь, как тюльпан, — Стефани пробежалась скептическим взглядом по пышной юбке светло-зеленого платья с короткими кружевными рукавами и остановилась на ступнях. — Какие

туфли! — наигранно воскликнула она, еле сдерживая смех. — Ты что, украла их у своей бабушки?

Я состроила рожу.

— У прабабушки! Это писк моды.

— Ага, — поддакнула подруга. — Я так и подумала. Что тебе подарили предки?

Я тяжело вздохнула.

— Смотрю на твое унылое лицо и понимаю, что не билет в один конец в Чикаго.

Ага. Разбежалась. Они не смогут пережить, если хоть на секунду решат, что я счастлива.

— «Это не смешно, Эмили. Какие сейчас могут быть поездки? У тебя нет на это времени», — очень правдоподобно спародировала я свою ближайшую родственницу. — И правда! Я еще не выучила от корки до корки «Римское право», не изучила причины опиумных войн между Китаем и Великобританией, и в конце концов, — я театрально всплеснула руками, — как я смогу жить дальше, если не узнаю, как «Реставрация Мэйдзи» изменила политический и социальный ландшафт Японии?!

— Э-э-э...

Не будь я так раздражена, я бы посмеялась над ошалелым лицом Стефани.

— Откуда вообще этому времени взяться?! — продолжала выступать я. — У меня школа, ворох домашки, курсы французского и английского, а еще эта премерзкая йога, на которой я чудом держусь, чтобы не захрапеть. Вот скажи, зачем мне французский?! Я уже ненавижу всех французов, а я их даже в глаза не видела! И вообще! Франция не моя страна! В древности там существовал закон, запрещающий женщинам носить брюки! И этот наполеоновский сексизм официально отменили только в 2013 году! Ты представляешь?! В 2013!

— А что там про опиум?

Я так зыркнула на нее, что подруга не рискнула закончить вопрос.

— В итоге они подарили мне какую-то космически дорогую, безумно редкую коллекционную книгу. Слава богу, на английском.

Стеф недовольно скривила губы.

— Гадость.

— Вот и я о том же, — кстати, о гадостях. — Что там на этих столах? — спросила я ее, мысленно представляя тонны крабов. Мама не ела мясо и считала калории даже в воде. Поэтому надеяться, что на столе вдруг чудесным образом обнаружится пицца — бесполезная трата времени.

— Не все так плохо, я видела что-то мясное.

Ну прям утешила.

— Торт же будет?

— Да! — мои глаза сразу загорелись.

Мама считала сладкое самым великим злом на планете. Я была уверена, что маньяки и убийцы в ее личном списке ужасных преступников располагались строчкой ниже. Но именно в день рождения мне снисходительно разрешили съесть пару кусочков моего самого любимого лакомства.

— Будет торт с карамелью и грецким орехом!

— Боже, Джо, — фыркнула подруга. — Я каждый раз поражаюсь твоей радости от простого куска торта. По десятибалльной шкале странностей это потянет на все девять. Но потом я вспоминаю твою мать и думаю, что на твоём месте радовалась бы и чайной ложке сахара.

Вывалить все, что взбредет в голову, — в этом вся Стеф.

— Плевать на торт. Есть новости поважнее, — отмахнулась она, словно эта тема изжила себя еще год назад. — Как тебе новый сосед? О нем уже вся улица трещит. Он такой красавчик! — сложив ладони на уровне груди, она востор-